

Киев

1903г.

*** Газеты продолжают печатать статьи, замѣтки, воспоминанія, посвященные памяти П. И. Чайковского. Сотрудникъ «Пет. Газ.» бесѣдвалъ съ братомъ покойнаго композитора. Какъ оказывается,

Петръ Ильичъ ставилъ выше другихъ тѣ свои произведенія, которыя и до сихъ оль не оцѣнены большою публикою.

—Самыми оьшими симпатіями пользовалась его опера „Вакула“, которую онъ неоднократно перерабатывалъ и, въ концѣ концовъ, перемѣнилъ изваніе, обративъ ее въ „Черевички“.

Т чн также П. И. былъ оч н, высокаго мнѣнія о своей оперѣ „Чародѣйка“, которая, кстати сказать, не имѣла того громаднаго успѣха, какъ остальные оперы.

Въ одномъ изъ писемъ П. И. говоритъ объ этой оперѣ слѣдующее:

„А если-бы вы знали, какъ все это казалось мнѣ великолѣпнымъ, когда я писалъ“.

Уже въ 1887 году произведенія П. И. вызвали энтузіазмъ у многочисленныхъ слушателей. *Киев. № 299. 1903*

Объ оперѣ „Евгеній Онѣгинъ“, пользующейся такимъ громаднымъ успѣхомъ, П. И. писалъ своему другу г. Лирошу слѣдующее:

—Да вы не знаете, а ъ это писалось. Я совсѣмъ не ду алъ, что это будетъ представлено въ большомъ театрѣ или для публики. Я имѣлъ въ виду ученической спектакль въ консерваторіи, потому что меня просилъ Н. Г. Рубенштейнъ.

Г. Лядовъ напоминаетъ въ «Пет. Листкѣ», что сценической частью при постановкѣ «Евгенія Онѣгина» завѣдывалъ

преподаватель драматическаго класса консерваторіи, знаменитый актеръ Самаринъ. Танцы ставилъ артистъ московскаго балета и преподаватель той-же консерваторіи французъ Монтесью. Воспитанный на музыкѣ Цуни, Минкуса, Гербера и другихъ балетныхъ композиторовъ, господствовавшихъ на тогдашней балетной сценѣ и писавшихъ элементарные, свойственные балетнымъ танцамъ ритмы, Монтесью никакъ не могъ справиться съ танцами въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, являвшимися для него диковинной новинкой. Такъ, напримѣръ, смѣшанный (двойной) ритмъ перваго предложенія „мазурки“ казался ему въ то время до такой степени труднымъ, что онъ, при всемъ своемъ стараніи, никакъ не могъ уяснить его себѣ. Монтесью до такой степени кипятился и сердился, что, въ концѣ-концовъ, обратился къ окружающимъ съ слѣдующими комическими словами: „Не можно тансовать этотъ мазюрка. Чайковский короши композиторъ, не можно сказать противъ, но я, шестное словъ, клядусю рубли, если кто можно тансовать этотъ мазюрка даже изъ балетъ!“...

Интересно, что присяжная критика на первыхъ порахъ не оцѣнила музыкальных красотъ «Онѣгина». Хвалили только куплеты Трикэ и арію Гремина «Любви всѣ возрасты покорны». А теперь

„Онѣгинъ“ не сходитъ съ репертуара во всей Россіи, переведенъ на итальянскій языкъ, и нравится всюду за границей, гдѣ его ни даютъ!

Errare humanum est.